

юридическим актом и может быть прекращена по инициативе «ся давшего» человека. Условие о выкупе в сочетании с подчеркиванием, что «ся давшему» человеку «дери не надобе», имеет принципиальное значение. При хорошо известной реальности и конкретности мышления древнерусского законодателя включение такого условия в текст закона могло быть оправдано только в той мере, в какой выкуп на волю «ся давших» людей был действительно сколько-нибудь распространенным жизненным явлением. О таком явлении и свидетельствует, как мне кажется, рассматриваемый текст.⁴³

Итак, статьи Закона Судного рисуют новое по сравнению с Правдой общественное явление — зависимость «ся давшего» человека. Эта зависимость напоминает положение персонажа ст. 111 Правды: она порождена чрезвычайными обстоятельствами («тошное время»); она не приравнивается и не приводит к полному холопству, а носит характер временный и в значительной мере «неформальный», она может быть прекращена по инициативе человека, попавшего в зависимость. В то же время «ся давший» человек отнюдь не тождествен анонимному получателю «дани-милости». Его зависимость не ограничена каким-либо сроком; его обязательства не могут быть погашены работой на господина; он может выйти на свободу, только уплатив выкуп. Таким образом, зависимость по Закону Судному носит значительно более жесткий характер. Эти черты «ся давшего» человека сближают его уже не с персонажем ст. 111, а с определенным типом холопа, хотя и не полного. Примером такого холопа может служить челядин-наймит Правосудия Митрополитского — памятника, появившегося, по мнению большинства исследователей, в XIII—XIV вв.⁴⁴ примерно в то же время, что и статьи «О детяти» и «О человеце и о жене». Челядин-наймит — тоже зависимый человек, могущий выкупить себя на свободу, и противопоставляемый обельному холопу. Однако между ним и «ся давшим» человеком нельзя поставить знака равенства. Можно отметить три существенные черты, отличающие персонажа Правосудия от «ся давшего» человека: во-первых, его освобождение совершается только формальным путем —

⁴³ Рассматриваемая статья находит аналогию и западнорусском праве, отраженном в литовском статуте 1529 г.: «Таж уставуем ест ли бы волного человека або сына своего хто продал а голоду в неволю, або сам си для голоду продал в неволю, таковыи лист не мають держати быти, и как голод омилеть, тот холопек пенезеи добывти и ему отдасть, а сам зяса волен востанет» (Статут великого княжества Литовского 1529 г. Минск, 1960, раздел XI, артикул [11] 10, с. 116).

⁴⁴ Такого мнения С. В. Юшков (Юшков С. В. Правосудие Митрополитское. — Летопись занятий Археограф. комиссии, вып. 35. Л., 1929, с. 118), Л. В. Черешин (Черешин Л. В. Русские феодальные ардины, ч. II. М., 1951, с. 29), А. А. Зимин (Зимин А. А. Холопы на Руси, с. 355). В отличие от них М. П. Тихомиров относит этот памятник к XV в. (Тихомиров М. П. Правосудие Митрополитское. — Археограф. ежегодник за 1963 г. М., 1964, с. 44), а В. П. Автократов — даже к XVI в. (Памятники русского права, вып. III. М., 1955, с. 438—440).

через суд; во-вторых, как уже отмечалось, размер выкупа челядина-наймита зависит от полученной им наперед суммы задатка; в-третьих, за побег от господаря ему угрожает превращение в обельного холопа, что специально подчеркивается в тексте. По-видимому, статья Правосудия Митрополитского рисует другое бытовое и юридическое явление, чем статья Закона Судного. Зависимость челядина-наймита, генетически связанного с закупом Правды, — более жесткая и формальная, более близкая к полному холопству, чем зависимость «ся давшего» человека.

Этот последний стоит как бы посередине между персонажами Правды и Правосудия. То, что он получает, «дани себя» в «службу», это уже не «дача-милость» ст. 111, погашаемая годичной работой, но это еще и не «задаток» Правосудия, ставящий получателя на грань обельного холопства. Зависимость «ся давшего» человека, выросшая из отношений по даче-милости, — особое явление, отражающее дальнейшее развитие отношений зависимости в XIII—XIV вв. Распространение этого явления в русской жизни не только породило новые тексты в составе юридических сборников XIV в., но и привело к переосмыслению старого текста Правды. Именно этим объясняется, как мне кажется, появление в Карамзинской группе списков Правды отчетливого нового термина «вдача». В таком термине не нуждались составители протографов и редакций XII—XIII вв.: необходимость его определялась дальнейшим развитием отношений, связанных с «тошным временем», и распространением особого типа «службы», отраженного в статье «О человеце и о жене». В Карамзинской группе списков эти отношения были, наконец, обозначены новым специфическим термином. Именно с данного времени можно говорить о «вдачестве» в точном смысле слова как об особой форме отношений феодальной зависимости. Это новое «вдачество», «вдачество по «службе», имея корни и отдаленный прообраз в старом «вдачестве» XII—XIII вв. — «вдачестве по «милости», представляет собой, как я старался показать, качественно новое явление, свойственное развитию феодальных отношений на Руси XIV—XV вв.

Г. В. АБРАМОВИЧ

ПОГАНАЯ ПИСЦОВАЯ КНИГА

Название «Поганой книги» было присвоено спискам бывших княжеских и боярских холопов-послужильцев, помещенных в последней четверти XV в. в Вотской палате Великого Новгорода писцом Дмитрием Китлевым по указу великого князя Ивана III. В исторической литературе эти списки более известны под названием «выписей» из писцовой книги Дмитрия Китаева 1500 г.

По предположению К. В. Базиловича, название «Поганая книга» появилось едва ли ранее второй половины XVIII в. и не имело юридического значения, бытуя лишь в просторечии.¹

Автор не говорит, на каком основании он выдвигает такое предположение, но источники заставляют признать это предположение ошибочным. В местническом справочнике XVII в., опубликованном Ю. В. Татищевым² и датированном второй половиной XVII в., имеется запись (л. 127): «Род Целединских. 6891 в Новгородской писцовой в поганой книге в Замошском погосте помещены Шереметевские люди Андренко Жуков сын Целединский».³

Учитывая, что приведенный документ имел назначение местнического справочника, предназначенного для широкого пользования, можно сделать вывод, что «Поганая книга» была широко известна в дворянских кругах России XVII в., хотя, возможно, и не имела юридического значения.

Ссылки на «Поганую книгу» встречаются в указанном справочнике еще два раза — при описании родов Барковых и Татьяниных.⁴ Судя по ошибкам в датах и в названиях погостов,⁵ источником для составителя справочника служил не подлинник, а одна из копий «выписей» из писцовой книги Дмитрия Китаева. Вероятно, что название «Поганая книга» было присвоено спискам помещиков из числа холопов-послужильцев по аналогии с близким по духу и назначению документом, появившимся в Польше в 20—30-х годах XVII в. в аналогичных условиях борьбы польского дворянства за чистоту своих рядов и носившим название «Книги хамов».⁶

¹ Базилович К. В. Новгородские помещики из послужильцев в конце XV в. — Истор. запiski, 1945, кн. 14, с. 63, прим. 3.

² Местнический справочник XVII века. Издан Ю. В. Татищевым. Вильна, 1910. — Настоящее название этой книги: «Книга перечисвал для скорого прииску отеческих дел, для укоризны отечеству и потери их, у кого с кем будет в отечестве счет, к то писано в сей книге имянно. Роды по статьям и в тех статьях под главами тех родов потери великому роду, по своему прозванию. Выписано из розрядных книг, и из Посольского приказа, и из иных приказов из дод, тому всему имянно статьи, и в сей книге писано имянно по годам, хто преж сего у каких дел с кем бывали, и в каких чинах, и в которых годах» (с. 1).

³ Там же, с. 70.

⁴ Там же, с. 71—72, 78.

⁵ При описании родов Целединских и Барковых дата помещений послужильцев ошибочно указана 6891 (1363) г. При описании рода Татьяниных этой ошибки нет. Там в полном соответствии с «выписями» из книги Дмитрия Китаева указан 6991 (1483) г. В названиях погостов вместо Григорьевского назван Гричервенный, вместо Кушопинского Онопанский и т. п. Имеются и другие ошибки. Н. П. Лихачев, знакомый с этим источником, признавая его подлинность и датируя его XVII в., в то же время считал, что «содержание рукописи далеко не соответствует ее пышному названию» (Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, с. 213, прим. 1).

⁶ Маркарьянц Л. А., Якубский В. А. Проникновение плебеев в дворянское землевладение Польши XVII в. и «Книга хамов». — Тоа.

Местнический справочник приводит ряд фактов, указывающих на наличие местнических счетов между «чистопородными» дворянами и потомками холопов-послужильцев, из которых некоторые уходили корнями в XVI в. Так, при описании рода Татъянских, бывших послужильцев Шереметева, сказано, что в «99 (1591) году в Иване городе Михайло Татъян меньше был князь Михаила Вяземского да Андрея Тушина».⁷ В данном случае потомок послужильца оказался ниже людей, носящих честные фамилии, по бывали и такие случаи, когда люди, принадлежавшие к фамилиям, которые послали первые помещики из послужильцев, стояли по службе выше «чистопородных» дворян. Так, Матвей Нелединский в Бежецком Верху был больше Ивана Чихачева,⁸ а Артемий Огибалов в 1647 г. был выше Семена Дилова и его сына Ивана.⁹

Кроме названных выше людей, носящих фамилии бывших послужильцев, в местническом справочнике встречаются также Кошкарковы,¹⁰ Рахманиновы,¹¹ Скобельцыны.¹²

«Поганная книга» как исторический источник была введена впервые в научный оборот П. М. Карамзиным,¹³ а затем широко использовалась в работах как дореволюционных (А. И. Маркевич, Д. И. Самоквасов¹⁴), так и советских историков (С. Б. Веселовский, К. В. Базилевич, А. А. Зимин и др.); что касается источниковедческого анализа этого документа, то в этой части кое-что было сделано лишь С. Б. Веселовским и К. В. Базилевичем, но это были, можно сказать, лишь черновые наброски, к тому же весьма спорные по выводам, о чем мы будем говорить далее.

Не случайно поэтому А. А. Зимин, делаящий на основании этого источника наиболее далеко идущие выводы о роли холопов-послужильцев в формировании помещичьего дворянства, в то же время высказывает весьма скептический взгляд на степень его научности. Он пишет: «Источниковедческий анализ Выписки — еще дело специальных исследований, когда выяснена будет взаимосвязь всех сохранившихся (поздних) списков памятника. Скорее всего, перед нами сложный документ в редакции XVII в., составленный по данным новгородских писцовых книг. Во всяком слу-

докладов и сообщений XII сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. (Рига—Спгудда, октябрь 1970), № 1, с. 87—91.

⁷ Местнический справочник XVII в., с. 78.

⁸ Там же, с. 41.

⁹ Там же, с. 84. — Огибаловы были послужильцами Ивана Топаркова.

¹⁰ Там же, с. 32, 33, 62. — Послужильцы Ивана Тучкова.

¹¹ Там же, с. 54. — Послужильцы того же боярина.

¹² Там же, с. 54—55. — Послужильцы Ивана Юрьевича Патрикеева.

¹³ Карамзин П. М. История государства Российского, т. 6. СПб., 1802, с. 89 и прим. 201.

¹⁴ Маркович И. А. История местничества в Московском государстве в XV—XVII вв. Одесса, 1883, с. 168—169; Самоквасов Д. Я. 1) Архивный материал, т. 1. М., 1905, отд. 1, с. 104; 2) Происхождение помещичьего права и общинного крестьянского землевладения Московского государства. М., 1904, с. 14—15.

чае терминология Вышиси не может быть использована для характеристики явлений конца XV в., тем более что в писцовых книгах того времени нет ни «послужильцев», ни «служилых людей», а только «люди» московских и новгородских бояр, т. е. их холопы.¹²

Многолетняя работа в коллективе авторов «Аграрной истории Северо-Запада России второй половины XV—XVI в.», требовавшая самого близкого соприкосновения со списками «Поганой книги» в сопоставлении их с другими источниками по истории поместной системы (писцовые книги, летописи, разрядные и родословные книги и т. д.), привела нас к следующим выводам, касающимся этого источника: 1) о безусловной contemporaneity указания А. А. Зимина на необходимость более тщательного изучения документа и 2) о необходимости критического пересмотра чрезмерно преувеличенного представления о роли холопов-послужильцев в становлении поместной системы, бытующего в нашей исторической литературе.

Попыткой решения этих двух вопросов и является предлагаемая статья.

Поскольку в основу источниковедческого анализа «вышисей» А. А. Зимин кладет установленные взаимосвязи всех сохранившихся списков памятника, остановимся прежде всего на этом вопросе. Нам известно 12 экз. источника против 8, которые были известны К. В. Базилевичу.¹³ Среди этих экземпляров нет ни одного подлинника. Все они представляют собой вставки, или приложения, к частным спискам разрядных книг,¹⁴ составленным в местных интересах. Самый ранний из них датируется

¹² Зимин А. А. Холопы на Руси. М., 1973, с. 299—300.

¹³ Базилевич К. В. Новгородские помещики. . . , с. 83, прил. 1 и 2.

¹⁴ 1. Из разрядной книги Бекетова (К а р а м з и н Н. М. История. . . т. 6, прилож. 201). 2. С этим списком полностью совпадает список, опубликованный во второй книге дел Тайного приказа (РИБ, 1908, т. XXII, с. 29—31), что говорит об одинаковом происхождении обоих списков. 3. ГБЛ: Болтинский I (ОИДР 183). 4. ГПБ: Болтинский II (№ 3257). 5. БАН: Академический V (34.5.15). 6. ГПБ: собр. Погодина, сб. 1623. 7. Там же: Рукопись IV, Ф, № 275. 8. Тихов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву. М., 1888, с. 104, № 136. Родословная книга и разрядные росписи. 9. Архив ЛОИИ СССР: ф. 13, оп. 1, ед. хр. 146. Список представляет собой отдельную рукопись из коллекции новгородских помещиков Выдомских, но в ГБЛ хранится попавший туда из той же коллекции список разрядной книги (М. 5256), датируемый по палеографическим показателям тем же XVII в. (Бугапов В. П. Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962, с. 58), что и список послужильцев, попавший из той же коллекции в музей Археологического общества, а оттуда в Архив ЛОИИ СССР. Это говорит о том, что список был приложением к разрядной книге, как и в других случаях. 10. В той же коллекции в Архиве ЛОИИ СССР (ед. хр. 147) имеется второй экземпляр того же списка, но с большими сокращениями в тексте и с ошибками, что даже вызвало следующую приписку последнего владельца коллекции С. Ф. Выдомского: «Желательно бы знать, но сего не отыскать, что для сей бумага или столбцы были у Тихова Андреевича Выдомского» (Прозоровский Д. Опись древних рукописей, хранящихся в музее Русского археологического общества. СПб., 1879,

концом XVI в.,¹⁵ а остальные — не ранее второй половины XVII в.¹⁶ 10 «вышисей» из 12 имеют один источник, как показывает сравнение их текстов. Этим источником послужила подлинная «выпись» из писцовой книги Вотской пятины Дмитрия Китаева, сделанная в 1647 г. по указу царя Алексея Михайловича в связи с судебным делом «о бесчестии» между двумя помещиками Вотской пятины Семеном Муравьевым и Семеном Кошкаровым, из которых первый обвинил второго в холопьем происхождении.¹⁷ Для проверки справедливости или ложного характера обвинения по указу царя новгородский воевода князь Семен Андреевич Урусов приказал составить «выпись» из писцовой книги Вотской пятины 1500 г. всех бывших княжеских и боярских послужильцев, помещенных в этой пятине по указам великого князя Ивана III писцом пятинны Дмитрием Китаевым. 9 ноября 1647 г. эта «выпись» была прислана в Москву. На обратной стороне подлинника было написано: «К сему списку князь Семен Урусов руку приложил».¹⁸ Копиями этого списка и являются 10 «вышисей» из дошедших до нас 12 экз. этого документа. 9 из них имеют одинаковое вступление: «Лета 6991 года, июля в 17 день¹⁹ бог поручил великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси дородному Великий Новгород под его богохрацимую державу».²⁰ Особо следует отметить наличие во всех 9 «выписях» не свойственного XVI в. зинтета «дородный» в титуле великого князя. Во всех 9 списках совпадает и количество погостов, а также число и фамилии помещенных в них послужильцев, правда, с большим количеством ошибок в написании погостов, фамилий и имен как послужильцев, так и их бывших владельцев. Это явилось, вероятно, результатом недостаточной внимательности и аккуратности переписчиков.²¹ Проверка по

с. 144). 11. Архив ЛОИИ СССР. Русская секция. Колл. 174, оп. 1, ед. хр. 14. Коллекция И. А. Шляпкина. Текст полностью совпадает со списком Выдомского. 12. Архив ЛОИИ СССР, ф. 238, оп. 1, Лихачевский, ед. хр. 146.

¹³ РИБ, т. XXII, с. 31. — По сходству содержания карамзинского списка из разрядной книги Бекетова с текстом этого списка список Карамзина также можно датировать концом XVI в.

¹⁴ Бугапов В. П. Разрядные книги. . . с. 32, 60, 68. — Поскольку В. П. Бугапов произвел тщательный палеографический анализ разрядных книг, в состав которых входят указанные списки, мы не считаем нужным повторить эту работу и полностью принимаем установленную им датировку этих документов.

¹⁵ ГПБ, Рукописный отдел, собр. Погодина, сб. 1623, л. 85.

¹⁶ Там же, л. 87.

¹⁷ Список из коллекции Вахрамеева датирован 4 июля, по это, безусловно, ошибка переписчика, первоначально в XVII в. буквенную датировку в цифровую. Этот список вообще написан очень небрежно: вместо «бог поручил» написано «бог подчинил», в 7082 г. царем назван Федор Иванович и т. п. (л. 18).

¹⁸ ГПБ, собр. Погодина, сб. 1623, л. 85; рукопись IV, Ф, № 275, л. 81; Архив ЛОИИ СССР, список Выдомский, л. 1; список Шляпкина, л. 1 и т. д.

¹⁹ Десятый список, являющийся приложением к Лихачевской разрядной книге (Архив ЛОИИ СССР, ф. 238, оп. 1, ед. хр. 146, л. 321—322), не имеет датированной вступительной части и охватывает лишь 21 погост, но по характеру текста он является неполной копией той же «вышисей» от 17 июля.

делу Муравьева и Кошкирова окончилась тем, что предки обоих оказались бывшими холопами. Предки первого записаны «людьми» Олуновских (в других списках Ослопольских), а предки второго — «людьми» боярина Ивана Борисовича Тучкова. На этом дело и прекратилось. Такое происхождение «выписей» объясняет и то, почему «выписей» относились только к Вотской пятине, тогда как, по данным писцовых книг конца XV в., помещики из послужильцев имелись и в других пятинах. Но там их было немного. В Шелонской пятине по писцовым книгам прослеживается лишь один послужилец — Василий Образца — Иван Некрасов Назимов, в Деревской — 21 человек,²⁵ из них 8 послужильцев новгородского боярина Ивана Петрова, в Бежецкой — 17 человек, все послужильцы новгородских бояр Ивана Петрова и Василия Пикишина. Эти люди вряд ли занимались местническими спорами, тем более что среди них не было фамилий, одинаковых с фамилиями московских дворян. Поэтому и «выписей» по этим пятинам не требовалось.

Анализ текста местнического справочника показывает, что составитель его был знаком с судебным делом Семена Кошкарова с Семеном Муравьевым, и, вероятнее всего, именно порожденная этим делом «выпись» помещиков на послужильцев из писцовой книги Дмитрия Кятаева и послужила под названием «Поганой писцовой книги» одним из источников при составлении местнического справочника, в котором приведены выписки из росписи послужильцев по погостам, которые имеются лишь в списках, датированных 17 июля 1591 г.

Нельзя не отметить особенную осторожность в обращении автора справочника с фамилией Кошкаровых. Касаясь рода князей Мосальских, он пишет: «Во 101 [1593] году послан города Кром ставить князь Володимер Мосальской да Петр Кошкаров, и с ними со всеми велено быть головам: с Орла Богдан Юрьев сын Арсеньев, на Болхова голова Корман Мешков сын Мясной, из Королева — голова Дементей Юшков да с Тулы станишние головы Судок Андреев сын Мясной да Крестьянин Семенов сын Данилов, и на Петра Кошкарова не били челом, все с ним было».²⁷ При описании рода Арсеньевых он вторично вспоминает, что «во 105 [1597] г. в Кромах был в сононал(ь)никах Богдан Арсеньев меньше Петра Кошкарова».²⁸ Подчеркивая, что никто из служивших под командой Петра Кошкарова голов не местничал с ним, автор справочника как бы подталкивает читателя к выводу, что холопье происхождение этой фамилии находится под сомнением. Возможно, такое осторожное обращение с фамилией Кошкаровых было связано с тем, что она числится лишь в пофамильном перечне, а в персональной росписи по пого-

²⁵ В а в л о п л и ч К. В. Новгородские помещики. . . , с. 73.

²⁶ Здесь несомненная описка, нужно читать «из Карачева» (Местнический справочник, с. 72—73).

²⁷ Там же, с. 32.

²⁸ Там же, с. 62.

стам вместо Кошкарова числится в полном соответствии с писцовой книгой Дмитрия Китаева Михайло Микитин Кашкин.²⁰

Кроме названных выше 10 «выписей», датированных 17 июля и имеющих один общий протограф — «выпись», сделанную в 1547 г. в связи с судебным делом Семена Кошкарова с Семеном Муравьевым и заверенную подписью новгородского воеводы князя Семена Андреевича Урусова, что придает ей характер официального, юридически оформленного документа, имеются еще две, на которых одна датирована 8 апреля 6991 г.,²¹ а другая совсем не датирована.²² По сопоставлению этих двух списков дает основание думать, что оба они имели один источник.

Список из дел Тавного приказа

Лета 6991-го апреля в 8 день, как бог поручил великому князю Ивану Давыдовичу Московскому под его богохранимую державу Великия Новгород и по его государеву изволению распущены из княженецких и из боярских дворов служилые люди. И тут им имена и роспись, кто чей бывал послужилец. Воцкло пятницы, которых поместил государев писец, по государеву указу, Дмитрией Китаев, и тут им перечень. Которые и чьи послужилцы помещены: 1. Янышевы, Барановы, Тырновы, Постельниковы, Клементьевы, Чепчуговы, Печенеговы, Хомутовы — Ивлновские послужилцы Борисовича Тучкова. В те поры помещены семь семей двора его.

2. Сергеевы, Теткины, Зеленны, Бирюлевы, Битюговы, Албучевы, те послужилцы князя Семена Риполовского; шесть семей двора его в те поры помещены.

3. Шедрюнины, Быковы, Лапины, Пестриковы, Хулитовы, Печенеговы, Нефедьевы, Щербинины, Редровы — те Васильевские послужилцы Тучкова; девять семей двора его в те поры помещены.

4. Мустофины, Татылины, Несторовы, Норовиты, Нелединские, те Шереметевские послужилцы, в те поры пять семей двора его помещены.

Список из разрядной книги Бенетова

Как бог поручил великому князю Ивану Васильевичу под его державу Великий Новгород, и по его государеву изволению распущены из княжеских дворов и из боярских служилые люди, и тут их имена, кто чей бывал, как поместил государев писец Дмитрий Китаев:

1. Янышевы, Барановы, Тырновы, Постельниковы, Клементьевы, Чепчуговы, Печенеговы, Хомутовы, те Ивлновские послужилцы Борисовича Тучкова восемь семей в те поры двора его помещены.

2. Сарыовы, Теткины, Зеленны, Берюлевы, Битюговы, Амбучевы: те князь Семена Риполовского послужилцы шесть семей.

3. Шедрюнины, Быковы, Лапины, Пестриковы, Хомутовы, Печенеговы, Нефедьевы, Щербинины, Редровы: те Васильевские послужилцы Тучкова 9 семей.

4. Мустофины, Татылины, Несторовы, Норовиты, Нелединские: те Шереметевские послужилцы 5 семей.

²⁰ НПК, т. III, ст. 937. — Упомянуть о судебном деле с Муравьевым при описании рода Кошкаровых автор справочника не стал нужным, возможно и потому, что это дело не было по существу местническим делом, так как оба тяжущиеся были признаны потомками холопов.

²¹ РИБ, т. XXII, с. 29.

²² Карамзин Н. М. История. . . т. 6, прим. 201.

5. Шляковы, Турузпы, Абрамовы — Сараевские послужилцы посадников; три семьи двора его в те поры помещены.

6. Быковы ж Васильевские послужилцы Кузьмина; одна семья.

7. Базаровы, Овсепы, Гулдовы, Назимовы — те Богдановские Есипова; четыре семьи.

8. Белосельские, Одищовы, Рындины, Чернышевы, Савлуковы, Колокольцевы, Савины, Мещенишвы — те Салтыковские послужилцы Тривина; восемь семей.

9. Муравьевы — Ослопольские послужилцы; одна семья.

10. Некрасовы, Назимовы — Абрамовские послужилцы; две семьи.

Которые боярские и княжеские послужилцы в сей тетради написаны, все в те поры помещены были в Воцкой пятине.

Что оба списка имели общий протограф, можно убедиться по тому, что, во-первых, в них полностью совпадает число послужилцев, их фамилии (с незначительными описками) и самый порядок, последовательность в написании этих фамилий; во-вторых, в вводной части обоих списков в титуле великого князя отсутствует «всех Руси»; в-третьих, в них дана лишь краткая формулировка: «кто чей бывал послужилец», тогда как во всех 10 списках, датированных 17 июля, дана расширенная формулировка: «кто чей бывал послужилец и кто чей сын и племянник и внук и зять». Но ясно, что оба списка писали разные люди. Список из дел Тайного приказа писал, по всей видимости, повгородец, который слушал отчество великого князя и называл его великим князем Московским. В разрядную книгу Бекетова список вписывал москвич, который исправил ошибку в отчестве великого князя, не называя его Московским, но и не называя его государем «всех Руси», что весьма интересно и о чем мы будем говорить позднее. Кроме того, вписывая список в разрядную книгу, он сократил его текст, устранив концовку вступления и повторяющиеся концовки параграфов. В этих двух списках нуждается в разъяснении § 5, так как в списке из дел Тайного приказа послужилцы названы Сараевскими, а в разрядной книге Бекетова те же послужилцы названы Шереметевскими.

Прежде всего до настоящего времени нет ясности в вопросе о том, кем был владелец послужилцев Сараевский. В списке из дел Тайного приказа он назван посадником, следуя этому указанию, С. Б. Веселовский и К. В. Базилевич сочли его повгородским посадником Авраамом Сараевским.²² Но такое решение

²² Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I. М.—Л., 1947, с. 280; Базилевич К. В. Новгородские помещики. . ., с. 63.

5. Шляковы, Обрамовы, Тарузпы, три семьи Шереметева двора.

6. Быковы Васильевские послужилцы Кузьмина 1 семья.

7. Базаровы, Авсепы, Гулдовы, Назимовы: те Богдановские послужилцы Есипова 4 семьи.

8. Белосельские, Одищовы, Рындины, Чернышевы, Савлуковы, Колокольцевы, Савины, Мещенишвы: те Салтыковские послужилцы Тривина 8 семей.

9. Муравьевы.

10. Некрасовы, Назимовы: те Абрамовские послужилцы 2 семьи.

И помещены по государеву указу в Воцкой пятине.

вопроса вызывает ряд возражений. Во-первых, среди новгородских бояр, земли которых были конфискованы, в писцовых книгах нет фамилии Сараевского,³³ тогда как там перечислены фамилии даже самых мелких землевладельцев. Во-вторых, никто из историков Новгорода не упоминает посадника Авраама Сараевского. Нет его и в капитальном труде В. Л. Янина, посвященном специально новгородским посадникам.³⁴

Сомнение в новгородском происхождении Сараевского вызывает и то, что все его люди было пожалованы поместьями, тогда как подавляющее большинство слуг новгородских бояр было поверстано в псковичи, чего не произошло ни с одним из послужильцев московских бояр. Подтверждение же новгородского, а московского происхождения Сараевских мы находим и в труде Ю. Г. Алексееня, который приводит факт упоминания в духовной А. М. Плещеева покупки им у перемышлянских потчинников Авраама и Семена Сараевских «села земли» и селища.³⁵

Но кто были эти Сараевские или Сарыевские, как они попали в великокняжеский указ о роспуске княжеческих и боярских дворов вместе с самыми виднейшими представителями московской знати? Ни в разрядах, ни в родословцах среди боярских семей такой фамилии не встречается. Напрашивается вопрос, а не имеем ли мы в данном случае дело не с фамилией, а с общеизвестным для того времени прозвищем? На эту мысль наводит и переименование в разрядной книге Бекетова Сараевских послужильцев в Шереметевских. Не были ли Сараевские одним из разветвлений рода Шереметевых?

Безусловной ошибкой авторов этих двух «выписей» является определение принадлежности послужильцев Некрасовых и Назимовых (§ 10) как людей Абрамовских. В писцовой книге Дмитрия Китаева и в «выписях», датированных 17 июля, обе эти семьи значатся Образцовскими послужильцами.³⁶ Написать вместо ближайшего соратника Ивана III боярина и воеводы Василья Федоровича Образца³⁷ какого-то никому не известного боярина Абрамова мог только человек, мало знакомый с историей России 70–80-х годов XV в. Не случайно он и самого Ивана III назвал Иваном Даниловичем Московским. Итак, сопоставление всех сохранившихся экземпляров «выписей», или «поганой книги», приводит нас к выводу о том, что в основе их лежат два протографа. Копиями первого (назовем его списком 8 апреля) являются 2 экз., оба опубликованные (первый в делах Тайного приказа, второй — в «Истории» Карамзина). Рукописей их не сохранилось.

³³ В других списках он назван Сарыевским или Саратовским.

³⁴ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.

³⁵ Алексееня Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский везд. М.—Л., 1966, с. 62, 148.

³⁶ ИИИ, т. III, статьи 668, 821; Архив ЛОИИ СССР, список на коллекцию Шляпкина, л. 3.

³⁷ ИСРЛ, т. 25. М.—Л., 1949, с. 286, 290, 311, 316, 323, 326.

Копиями второго являются остальные 10 «выписей», сохранившиеся в рукописях (назовем их условно списками 17 июля). Разница между этими двумя типами «выписей» весьма существенна как во вступительной части, так и в основном тексте. Во вступлении к спискам 8 апреля переиудано отчество великого князя, он назван лишь Московским без титула «всех Руси». В списке послужильцев названы лишь фамилии и принадлежность этих людей тому или иному боярину. Не названы ни имена, ни степень родства с главой семьи. Имеются ошибки в написании фамилий как послужильцев, так и их владельцев. Всего в списках значится 47 семей послужильцев, принадлежавших десяти владельцам.

В списках 17 июля имя и титул великого князя написаны правильно, с включением «всех Руси», но с добавлением эпитета «дородный». Перечень послужильцев увеличился до 82—88 семей, с приложением персональной росписи по погостам не только глав семейств, но и их детей, внуков, племянников и зятьев. Число владельцев послужильцев увеличилось до 16 за счет включения послужильцев Ивана Юрьевича Патрикеева, Ивана Товаркова, князей Мещерских, Михаила Яковлевича Русалки Морозова, Ивана Васильевича Ощеры и Ярославовских.

По сравнению со списком 8 апреля увеличилось число семей послужильцев и у отдельных бояр:

	По списку 8 апреля	По списку 17 июля
Иван Борисович Тучков	8	11
Семен Ряполовский	6	7
Василий Борисович Тучков	9	10
Олоповские	1	3
Образцовские	2	2
Шараметевские	5	5
Сираевские	3	3
Василий Кузьмин	1	2
Салтык Травин	3	8
Богдан Есипов	4	6
	47	55

При сопоставлении двух типов «выписей» нельзя не отметить следующего характерного факта. Списки 17 июля, вероятно более поздние, тщательно учли увеличение числа московских бояр, чьи дворы были распущены, а послужильцы перемещены, но в то же время авторы не обратили никакого внимания на увеличение числа новгородских бояр, чьи дворы были распущены, а между тем их число, по данным писцовой книги Дмитрия Китаева, достигало к началу XVI в. 21 против 2, записанных в списке 8 апреля (Богдан Есипов и Василий Кузьмин). Авторы списка 17 июля машинально оставили этих двух новгородцев, а остальных игнорировали. Думаем, что это было вызвано тем, что все, без исключения, послужильцы новгородских бояр, наделенные землей в Вот-

скоп пятнице, не были пожалованы в помещики, а зачислены в гарнизон Ивангорода, получив в коллективное пользование в среднем по 5 обож, под названием ивангородцев, смешавшись позднее с так называемыми пятнобежниками, которые не включались в число поместного дворянства. Среди ивангородцев, записанных в книге Дмитрия Китаева, мы не встречаем фамилии, одинаковых с фамилиями московских служилых людей, и поскольку «выписи» или списки послужильцев составлялись в местных интересах, постольку ивангородцы не представляли для их составителей никакого интереса.

Подводя итог проведенной нами работы по сопоставлению «выписей», можно утверждать, что «выписи» 17 июля являются более полноценным источником для изучения становления поместной системы в масштабе Вотской пятины, чем «выписи» 8 апреля. Но и «выписи» 17 июля могут служить вполне достоверным источником лишь в совокупности с писцовой книгой Дмитрия Китаева. Использование «выписей» как самостоятельного источника затрудняется тем, что между перечнем послужильцев в вводной части «выписей» и росписью их по погостам есть значительные расхождения. Так, в перечне значатся Щербинины, Русколовские, Шубины, Шугины, Ководавлевы, Бурковы, Шепяковы, Тарусины, Колокозовы, Авсесы, а в росписи по погостам их нет, зато там имеются Федосовы, Мухортовы, Одинцовы, Дурбины, которых нет в перечне. Есть значительные ошибки и в написании фамилий в росписи по погостам: например, вместо Сергеевых написано Сарыелы, вместо Рахманова Рамхов, вместо Гулидова Гудиллов, вместо Гриди Тотки Гридя Темкин, вместо Овциных Ащины, вместо Шатюка Шатареев, вместо Конопова Кочко, вместо Шугиных Дурбины и т. д.

Неправильно написаны названия погостов: вместо Каргальского Карсаловский, вместо Замозского Замостовский, вместо Радянского Расельский, вместо Врудского Радецкий и т. д.

Сопоставление с писцовыми книгами позволяет исправить эти недостатки «выписей».

Но в отдельных случаях «выписи» в свою очередь дают возможность пополнить данные писцовых книг, которые дошли до нас не полностью. Так, в дошедшей до нас писцовой книге Дмитрия Китаева отсутствует описание двух погостов — Спасского Орлицкого и Никольского Грезневского в Копорском уезде,²⁸ а в «выписи» от 17 июля в Орлицком погосте записаны две семьи послужильцев Ивана Товаркова и одна семья Салтыка Травипа.²⁹ Это сообщение проливает свет на историю еще одной семьи ближайшего окружения Ивана III. В 70-х—начале 80-х годов XV в. очень близко к Ивану III стояли двое Товарковых: Иван Фе-

²⁸ ИИК, т. III, Оглавление, с. 2, прим. 1.

²⁹ Архив ЛОИИ СССР, список из коллекции Шляпкина, л. 3.

дорович и Иван Молодой. Оба имели самое близкое отношение к присоединению Новгорода. Иван Федорович еще в 1471 г. был послом в Великий Новгород, в 1477 г. — послом в Псков для переговоров о действиях против Новгорода, в 1478 г. вторично послан в Новгород, а в 1480 г. — в Крым к хану Ахмату. В 1483 г. он был уже боярином.⁴⁰

Иван Молодой в 1475 г. при поездке Ивана III в Новгород состоял в его свите в качестве сына боярского вместе с такими людьми, как Михайло Колышка — сын князя Ивана Юрьевича Патрикеева, Григорий Малой — сын ближнего боярина и воеводы Федора Давыдовича, князь Иван Звонец, князь Петр Васильевич Оболенский, Юрий Шестак, которые в середине 90-х годов XV в. стали или боярами, или окоल्पичьими.⁴¹ В эту поездку он в качестве великокняжеского пристава арестовал самого важного из новгородских бояр — степешного посадника Василия Опальни.⁴² В 1478 г. он передавал новгородским посланцам требование Ивана III не нарушать только что данного ими крестного целования на верность великому князю.⁴³ В конце 1479 г. он снова входил в состав небольшой избранной свиты (всего из 10 человек), сопровождавшей великого князя в это трудное время в его поездке в Новгород.⁴⁴ В 1483—1484 гг. он был одним из самых активных деятелей в расправе с мятежными новгородскими боярами. После преста 30 больших бояр именно на его новгородском дворе читали и допрашивали арестованных. Вторая Софийская летопись так сообщает об этих событиях: «И повеле их мучити на Ивановом дворе Товаркова Гречникову подъячому, а домучивати у них того обговору, что их обговорили».⁴⁵ В свете этой его деятельности, казалось бы, перед ним открывалась самая блестящая карьера, но с 1484 г. ни Иван Федорович, ни Иван Молодой Товарковы не упоминаются ни в летописях, ни в разрядных книгах. Видимо, в это время, возможно вместе с братьями Тучковыми, они попали в опалу, но, в отличие от Тучковых, их карьера больше не восстановилась.

Если в росписи по погостам в «Погапоп книге» встречаются послужильцы, не упоминаемые в писцовых книгах в связи с их неполной сохранностью, то в свою очередь в писцовых книгах числятся послужильцы, которых нет в «выписях». Так, в «выписях» отсутствуют те из послужильцев, которые по тем или иным причинам потеряли свои поместья до окончания переписи, как например человек Василия Тучкова Фетко Батков Кошъ Шадрин, поместье

⁴⁰ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, с. 73.

⁴¹ Зимиин А. А. Состав Боярской думы, с. 83—87; Разрядная книга 1475—1508 гг. М., 1966, с. 17.

⁴² ПСРЛ, т. 25, с. 306.

⁴³ Там же, с. 322.

⁴⁴ Разрядная книга 1475—1508 гг., с. 19.

⁴⁵ ПСРЛ, т. 6, с. 236.

которого в процессе переписи было отдано Гневашу Осокину,⁴⁶ Гаврил Рахманов, поместье которого после его смерти получил Коротень Путилов,⁴⁷ Иван Шаблыка, слуга Салтыка Травина, поместье которого было отдано человеку М. Я. Русалки Морозова Иосифу Скрыбе⁴⁸ и т. д.

В анализе «Поганой книги» особенную трудность представляет установление причины полного несоответствия датировки вступительной части документа датировке его основного текста, т. е. списку послужильцев.

С. Б. Веселовский дважды пытался решить этот вопрос. В одном из своих генеалогических исследований о роде Кобылы он, пытаясь увязать вступительную часть «выписей» с их текстом, высказал предположение об одновременной кратковременной опале всех перечисленных в «выписях» московских бояр перед 1481 г. в связи с их позицией во время ссоры Ивана III с братьями и наместниками Ахмата. Во время этой опалы их вотчины были конфискованы, дворы распущены, а послужильцы помещены в Вотской пятине. Вскоре опала была снята, вотчины возвращены, но послужильцы остались за великим князем.⁴⁹

Такое предположение не могло найти подтверждения ни в одном из источников, и в последующих работах С. Б. Веселовский отказался от него и высказал соображение, что «ропуск дворов опальных бояр, равно как и помещение послужильцев, произошел не одновременно в 1483 г., а разновременно».⁵⁰ Более того, он утверждал, что «выписи» содержат списки не самих послужильцев, а «перечень родов, происшедших от боярских послужильцев и помещенных в Новгород».⁵¹ К такому безусловно ошибочному выводу он мог прийти потому, что пользовался лишь «выписями», датированными 8 апреля, где приведен только перечень фамилий послужильцев. В списках же, датированных 17 июля, приведены помещные росписи послужильцев по погостам, а их имена и прозвища полностью совпадают с таковыми, записанными в книге Дмитрия Китаева, так что не может быть никакого сомнения в том, что подлинные «выписи» сделаны именно из этой книги.

К. В. Базилевич пытался установить единство вступительной части «выписей» с их текстом и высказал предположение, что в 1483 г. (по его датировке, в 1482 г.) был издан не один, а несколько указов о роспуске дворов опальных князей и бояр и помещении их в Вотской пятине. Но, учитывая разрыв во времени между изданием этих указов и окончанием переписи Дмитрия Китаева в 18 лет, он высказал предположение, что указы об

⁴⁶ ИПК, т. III, ст. 783.

⁴⁷ Там же, ст. 939.

⁴⁸ Там же, ст. 812.

⁴⁹ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, с. 157—158.

⁵⁰ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение. . ., с. 227.

⁵¹ Там же, с. 226.

испомещенни послужильцев относились не к переписи Дмитрия Китаева, а к какой-то более ранней переписи, которая пронаводилась где-то вскоре после 1480 г.⁶² Такая версия не выдерживает никакой критики. Но говоря уже о том, что во всех редакциях списки послужильцев названы «выписями» из писцовой книги Вотской пятины письма Дмитрия Китаева, который и помещал этих послужильцев, анализ писцовых книг конца XV—начала XVI в. полностью отрицает возможность промежуточного письма между старым (производившимся сразу после конфискации) и новым письмом.

Возьмем для примера описание поместья Шереметевского послужильца Описимка Татъяпина в книге 1500 г.: «Д. Горка: дв. сам Описимко Алексейков, дв. человек его Лучка; а хрестьян: дв. Фетка Лохов, дв. Оидроико Алексейков, сеют ржи 12 коробей, а сена косят 100 копен, 3 обжи; а старого доходу шло с половинны пол-третьи коробыи ржи, 3 коробыи овся, пол-барапа, пол-полти мяса, пол-бочки шва, 2 горсти луу; а другую половишу нахал ключник старых бояр; и на тех обож Описимко нашет на себя половину ж». ⁶³ При старом письме в волостке было 19 дворов, 21 крестьянин и 22 обжи. При новом письме стало 30 дворов, 36 крестьян, один холоп, 22 обжи.⁶⁴ Описание отражает разницу между положением волостки при новгородских владельцах Миките и Григории Норовых и новым владельце Описимке Татъяпине. Никакого промежуточного описания установить нельзя. Кроме того, если признать вместе с К. В. Базилевицем, что испомещение послужильцев производилось согласно указам в 1483 г. (а по его датировке, в 1482 г.), то все перечисленные в «выписях» послужильцы должны быть испомещены на землях, конфискованных до 1484 г. Но, по данным писцовой книги Вотской пятины 1500 г., на этих землях числятся испомещенными лишь 4 послужильца московских бояр ⁶⁵ и 45 новгородцев, которые никак не могли быть испомещены ранее постройки Ивангорода, т. е. ранее 1492 г.

Итак, ни С. Б. Веселовский, ни К. В. Базилевиц не смогли сколь-нибудь убедительно установить единство двух частей, из которых состоят «выписи», как не смогли они установить и причину расхождения в датировке этих двух частей. А между тем нет никаких оснований сомневаться в датировке вводной части

⁶² Базилевиц К. В. Новгородские помещики. . . , с. 64—65.

⁶³ ИПК, т. III, ст. 899.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Иван Торков, человек Ивана Борисовича Тучкова. — Временник ОИДР. М., 1851, кн. XI, с. 156—159; Василий Торков, человек Василия Борисовича Тучкова. — ИПК, т. III, ст. 702—703; Оидрей Илянов Одицов и Илян Шаблыва, люди Салтыка Трапина. — ИПК, т. III, статьи 812—813, 818—819. — Если о братьях Борисовичах Тучковых известно, что они подвергались кратковременной опале в 1484 г. (ИСРЛ, т. XXIII, с. 162), то сведения об опале Салтыка Трапина до 1489 г., когда он командовал судовой ратью в походе на Вятку, ни в каких источниках нет.

1483 г.,⁵⁶ как и в том, что «выписи» сделаны из книги Дмитрия Китаева.

Установить причины неувязки в датировке «выписей» невозможно, если рассматривать этот документ как единое целое. А. А. Зимин безусловно прав, говоря, что «скорее всего перед нами сложный документ и редакции XVII в., составленные по данным новгородских писцовых книг».⁵⁷ При тщательном сопоставлении «выписей» с писцовой книгой Дмитрия Китаева устанавливается не только факт сложности документа, но и весь процесс его составления, а при изучении поименной росписи послужильцев — вся система работы переписчика. Сначала он решил выписывать послужильцев по их владельцам и начал с людей Ивана Борисовича Тучкова, двор которого, как и двор его брата, был распущен первым из дворов московских бояр. Записав двух братьев Рахмачовых, он увидел, что в том же погосте помещены люди князя Ивана Юрьевича Патрикеева и князей Мещерских, и понял, что составление «выписей» по владельцам послужильцев потребует слишком много времени. Тогда он перешел к выписыванию послужильцев подряд по уездам и погостам в той последовательности, как они располагались в писцовой книге. Сначала он выписал всех послужильцев, помещенных в Новгородском уезде, где они имелись в четырех погостах,⁵⁸ затем перешел к Ямскому уезду,⁵⁹ после него к Кошорскому,⁶⁰ Ладожскому,⁶¹ Ореховскому⁶² и, наконец, к Корельскому.⁶³ Эта роспись послужильцев по погостам с указанием имен каждого из них, степени родства с другими послужильцами, принадлежности тому или иному боярину и явилась первой частью документа, которая и может с полным правом называться «выписью». На основании этой «выписи» была составлена вторая часть документа — перечень послужильцев по фамилиям (семьям), без указания имен. Для этой части документа послужильцы были выбраны по их принадлежности тому или иному князю или боярину. И при составлении перечня переписчик опять следовал тексту книги. Первыми в росписи по погостам у него были записаны Рахмановы — послужильцы Ивана Борисовича Тучкова. К ним он присоединяет и остальных послужильцев этого боярина. В Егорьевском Луском погосте Новгородского уезда первыми записаны

⁵⁶ Мы принимаем датировку С. Б. Веселовского, считавшего 1483 г. по мартовским, как К. В. Базилевич, в сентябрьским.

⁵⁷ Зимин А. А. Холопы на Руси, с. 299—300.

⁵⁸ Егорьевской Луской, Спасской на Оредежи, Ильинский Тягодский и Солецкий на Волхове.

⁵⁹ Послужильцы были во всех трех погостах уезда.

⁶⁰ Послужильцы были в 13 погостах из 15.

⁶¹ Послужильцы были в двух погостах — Городенском и Федоровском Песоцком.

⁶² Послужильцы были в четырех погостах.

⁶³ Послужильцы были в двух погостах — Михайловском Сакульском и Васильевском Ровдушском.

послужильцы Семёна Ряполовского Сергеевы,⁶⁴ а к ним присоединяются остальные его послужильцы, испомещённые в других погостах (Спасском на Оредеже и Тугоцком). В Солецком погосте первыми идут послужильцы Василия Борисовича Тучкова,⁶⁵ и в перечне вслед за людьми Ряполовского идут люди Василия Тучкова, затем следуют Шереметевские, Сараевские, в полном соответствии с очередностью записи этих фамилий в писцовой книге.

Составив перечень, который очень облегчал пользование документом, переписчик приступил к составлению третьей части его — своего рода препроводительной, которую начал ссылкой на указ Ивана III о роспуске дворов опальных князей и бояр, издавший в 1483 г.

Но остается непонятным, почему в одной «выписи» вводная часть датирована 8 апреля, а в другой — 17 июля 1483 г. Нам это представляется результатом того, что в 1483 г. было издано два великокняжеских указа о роспуске дворов новгородских и московских бояр. Такое предположение вытекает из разницы в написании титула Ивана III в этих документах. В «выписи» от 8 апреля он назван просто великим князем Московским без прибавления титула «всёя Руси», тогда как в «выписи» от 17 июля этот титул присутствует. Зная, с какой настойчивостью добивался Иван III признания его государем «всёя Руси», вряд ли можно считать случайностью упущение этого титула в первых «выписях», тем более что при внесении этой «выписи» в разрядную книгу Бекетова титул также упущен. Вернее будет признать, что первый указ о роспуске боярских дворов был издан до введения титула «всёя Руси» в официальные документы, выходящие из великокняжеской канцелярии, что, по убедительному предположению А. Л. Хорошкевич, произошло в 1483—1485 гг.⁶⁶ Думаем, что наши данные позволяют сократить срок введения этого титула в великокняжескую документацию до периода между 8 апреля и 17 июля 1483 г.

Но разница между вступительной частью этих двух типов «выписей» заключается не только в разном написании титула великого князя. Они по-разному трактуют и вопрос о роспуске боярских дворов. В «выписи» от 8 апреля сказано: «... и по своему государеву изволению распущены из княжеских и из боярских дворов служилые люди. И тут им имена и роспись, хто чей бывал послужилец».⁶⁷ В «выписи» же от 17 июля написано: «Имена княжеским и боярским слугам, чей бывал послужилец и хто чей сын и племянник и внук и зять, как князь великий и мал по боярских дворов людей испоместить по своему государеву указу

⁶⁴ НПК, т. III, ст. 32.

⁶⁵ Там же, ст. 430.

⁶⁶ Хорошкевич А. Л. Об одном из эпизодов дворянской борьбы в России в конце XV в. — История СССР, 1974, № 5, с. 130.

⁶⁷ РИБ, т. XXII, с. 29; Карамзин Н. М. История... т. 6, прилож. 201.

в Вотской пятине».⁸⁸ В первом случае речь идет о роспуске (видимо, поголовном) служилых людей из дворов опальных бояр, а во втором — лишь о взятии из боярских дворов слуг (видимо, не всех, а выборочно) для искомещения их в Вотской пятине. И наконец, в первых «выписях» о родственных связях послужильцев ничего не говорится, а во вторых «выписях» эти связи перечисляются самым тщательным образом.

Такая разница в формулярах указов от 8 апреля и от 17 июля дает основание считать, что указ 8 апреля относился лишь к новгородским боярам, дворы которых были распущены полностью. Характерно, что этот роспуск дворов совпадает по времени с выселением из Новгорода 30 больших бояр. Из этих распущенных военных слуг новгородских бояр впоследствии составилась гарнизон Иванагорода. Но поскольку переписчик составлял «выпись» для местных целей, а новгородские послужильцы, не имевшие родственных связей среди московских дворян, не могли играть роли в местных делах, он включил в список главным образом послужильцев московских бояр, искомещенных в Вотской пятине к началу XVI в., а из послужильцев новгородских бояр включил лишь слуг Богдана Есипова и Василия Кузьмина, да и то не всех: Есиповских лишь 4 человека из 33, записанных в книге Дмитрия Китаева, а из Кузьминских — одну семью из 10. Всего были искомещены слуги 21 новгородского боярина. Расхождение в количестве послужильцев в списках 8 апреля и 17 июля можно объяснить следующим образом. Книга Дмитрия Китаева составлялась не одновременно, а примерно в течение 10 лет — с 1495 по 1505 г. Многие из послужильцев были искомещены на землях, поступивших в поместную раздачу лишь в 1504—1505 гг. Сообщения об искомещении некоторых из них вписаны в книгу уже после окончанья переписи другим почерком.⁸⁹ Вполне вероятно, что списки 8 апреля были составлены по более раннему экземпляру книги Дмитрия Китаева, в который еще не были вписаны искомещения конца XV—начала XVI в. Несовершенство и неполнота этого списка и послужили причиной составления новой, более полной «выписи». Что это было так, можно судить по тому, что в списках 8 апреля числятся послужильцы Олуповских Муравьевы, но нет послужильцев И. Б. Тучкова Кошкаровых, поэтому Семен Муравьев, обвиняя Семена Кошкарова в холопьем происхождении, ссылался не на «выпись» 8 апреля, а непосредственно на исцовую книгу Дмитрия Китаева, и по его челобитью была составлена вторая, более полная «выпись» с последнего по времени экземпляра этой книги, датируемая нами как «выпись» 17 июля.

Что касается указа от 17 июля, то он, по нашему мнению, относился к послужильцам братьев Борисовичей Тучковых, попав-

⁸⁸ Архив ЛОИИ СССР, список из коллекции Выдомских, л. 1; список из коллекции Шлиппина, л. 1.

⁸⁹ ИИИ, т. III, статьи 32, 82—89, 293, 358, 300, 495, 812 и др.

ших в опалу в 1483 г., и, возможно, к слугам Андрея Шеремета. В книге Дмитрия Китаева насчитывается 36 помещиков из Тучковских послужильцев и 13 — из Шереметовских. Нет сомнения, что в действительности у таких магнатов было значительно больше слуг. Так, в духовной Василия Борисовича Тучкова 1497 г. только по именам перечислена 31 семья слуг.⁷⁰ Судя по слову «имал», Иван III брал на свою службу и помещал далеко не всех слуг из распущенных боярских дворов, а по выбору, возможно, тех, кого знал лично, так как они служили людям, постоянно находившимся в непосредственной близости к особе великого князя. Но и в «выписи» от 17 июля, составленной в вводной части на указ от этого числа 1483 г., относящейся лишь к дворам вышеуказанных бояр, переписчик, составивший «выпись», включил в нее всех помещенных в Вотской пятине послужильцев, в результате чего и получилось расхождение между датировкой вводной части и основного текста списков.

Вторым спорным вопросом, связанным с использованием «Юганой книги» в исторической литературе, является вопрос о той роли, которую сыграли бывшие боярские холопы-послужильцы в становлении поместной системы в России.

Как уже говорилось, С. Б. Веселовский и К. В. Базилевич считали, что удельный вес послужильцев в массе первых новгородских помещиков был весьма значителен, а А. А. Зимин утверждает, что они составляли в конце XV—начале XVI в. основную массу этих помещиков.

К таким выводам можно было прийти лишь в том случае, если рассматривать всех бывших послужильцев как однородную в социальном отношении группу, равноправную во всем с основной массой помещиков, набранной из детей боярских, и определять удельный вес этой группы по состоянию поместной системы на конец первой генеральной переписи конца XV—начала XVI в. Между тем бывшие послужильцы после освобождения их из холопского положения и взятия на службу к великому князю были строго разделены правительством на две группы без всякой возможности их слияния. Все, без исключения, бывшие послужильцы московских бояр получали поместья на равных правах и с равными обязанностями с помещиками из детей боярских. Из послужильцев новгородских бояр в эту группу вошло, по данным писцовых книг, лишь 17 человек,⁷¹ а 173 человека были взяты на службу в гарнизон Ивангорода и получили название ивангородцев. Они не получали поместий, а были пожалованы землей в коллективное пользование по расчету по 5 обож на человека в сред-

⁷⁰ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в., т. 1. М., 1952, № 812.

⁷¹ В том числе 12 послужильцев Ивана Петрова, 3 послужильца Василия Никитина и по 1 послужильцу Богдана Есипова и Ивана Лопинского (См. о к в а с о н Д. Я. Архивный материал, т. 1, отд. 1, с. 217, 224—231).

нем.⁷² Земля между ними не была разделена. Никто из них не имел усадниц и барской пашни. Они пользовались лишь правом получать с крестьян доход «по расчету по обежам», т. е. фактически они находились на государственном жаловании, но получали его не из казны, а непосредственно с крестьян приписанных к ним деревень.⁷³ В писцовых книгах ивангородцы никогда не смешивались с помещиками, а писались после них, перед земцами. Стена, отделявшая ивангородцев от помещиков, была так высока, что на протяжении всего XVI в. ни один ивангородец не перешел на положение помещика. То из них, кого мы встречаем в документах второй половины XVI в. в качестве землевладельцев, числились в разряде пятибежишников.⁷⁴ Совсем иную картину мы наблюдаем в отношении помещиков из послужильцев. Для них дорога к продвижению по службе не была закрыта, и потомков некоторых из них мы встречаем во второй половине XVI в. на страницах разрядных книг в роли полковых голов, городских воевод в небольших городах, дьяков и даже в составе свиты великого князя в роли податия при рогатине.⁷⁵

Неполноправное положение ивангородцев в составе господствующего класса нашло свое отражение и на страницах «Поганой книги». Составители «выписей», тщательно выписывавшие всех помещиков из бывших послужильцев, совершенно не интересовались ивангородцами. Из 121 человека взрослых ивангородцев, числящихся в писцовой книге Дмитрия Китаева, в «Поганой книге» записано лишь 8 из числа бывших послужильцев Богдана Есипова и Василия Кузьмина.⁷⁶

Учитывая все эти особенности положения ивангородцев, их не в какой степени нельзя причислять к сословию поместного дворянства и отводить им какую бы то ни было роль в становлении поместной системы. А между тем они составляли в конце XV в. половину (173 человека из 345) всех бывших послужильцев, учтенных в писцовых книгах конца XV—начала XVI в. Полноправные помещики из послужильцев — 172 человека — составляли в начале XVI в. лишь 13.2% всей массы новгородских помещиков, а их земельные владения — только 3.5% всех розданных в поместья земель.

Изучение хронологии и порядка перемещения бывших послужильцев на новгородских землях показывает, что перемещение этой категории служивых людей не было каким-то особым мероприятием в поместной политике правительства, имевшим большое

⁷² Помещики получали в среднем по 30 обеж на поместье.

⁷³ Бернадский В. И. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.—Л., 1961, с. 326—331; Базилевич К. В. Новгородские помещики. . . с. 77—79.

⁷⁴ Бернадский В. И. Новгород и Новгородская земля в XV в., с. 329.

⁷⁵ Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 199, 322.

⁷⁶ Архив ЛОИИ СССР, список из коллекции Вышдомского, л. 2—3.

зачисление в становлении поместной системы, а проводилось в текущем порядке и состояло из отдельных пожалований поместьями бывших слуг виднейших бояр в зависимости от их личных достоинств или особых заслуг перед великим князем.

Хронологию испомещения послужильцев можно установить путем сопоставления писцовых книг с летописями, разрядными и родословными книгами. Летописи аккуратно указывают все даты конфискаций новгородских земель, проводившихся Иваном III, а писцовые книги столь же аккуратно сообщают о том, в чьем владении находились эти земли в конце XV—начале XVI в. Родословные и разрядные книги, указывая основные вехи жизненного пути и служебной карьеры владельцев послужильцев, обеспечивают в значительной степени возможность корректировки хронологии испомещений их слуг.

Первая конфискация вотчин 6 новгородских бояр (Василия Ованьяна, Богдана Есинова, Ивана Лошинского, Ивана и Олфория Офонасовых и Федора Исакова) в 1476 г. дала Ивану III 4692 обжи. В писцовых книгах конца XV—начала XVI в. на этих землях значится лишь один помещик из послужильцев Иван Борисовича 'Гучкова,'⁷⁷ который мог быть испомещен не ранее 1483 г., когда оба брата 'Гучковы' попали в кратковременную опалу.⁷⁸

Вторая конфискация 1477—1478 гг. части владичьих и монастырских волостей дала великому князю еще 9276 обож. Из этих земель 7238 обож владичьих земель, по данным писцовых книг конца XV—начала XVI в., оставались полностью на положении великокняжеских дворцовых, оброчных или кормленских волостей. Лишь на монастырских землях наряду с двумя десятками помещиков числятся 26 ивангородцев, которые не могли появиться ранее постройки Ивангорода, т. е. 1492 г.

Третья конфискация в связи с делом Марфы Исаковой Борецкой (Марфы с внуком, Ивана Кузьмина Савелкова, Окифа Брюхатого с сыном, Марка Панфилова, Григория Араубьева) и бежавшего в Литву Ивана Кузьмина Овниова зятя дала 2633, 5 обжи. На этих землях в писцовых книгах конца XV—начала XVI в. числятся 2 помещика из послужильцев Салтыка Травина, которые никак не могли быть испомещены ранее 1489 г., так как один из послужильцев этого боярина Игнат Черныш, испомещенный в Вотской пятине,⁷⁹ еще в 1483 г. в духовной Салтыка Травина, написанной перед походом на вогуличей, числится среди его слуг, завещаемых сыну.⁸⁰ Сам Салтык в 1489 г. числится в разряде первым воеводой судовой рати в походе на Вятку.⁸¹

⁷⁷ Временник ОИДР, кн. XI, с. 158—159.

⁷⁸ ПСРЛ, т. XXIII, с. 162.

⁷⁹ ИПК, т. III, статья 593, 871—872.

⁸⁰ Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства, издаваемые Археографической комиссией. СПб., 1838, № 413.

⁸¹ Разрядная книга 1475—1508 гг., с. 21.

Кроме этих двух помещиков, на землях этой конфискации числятся 8 новгородцев.

Четвертая конфискация вотчин 4 бояр (Василия Казимира, Якова Коробова, Луки Федорова и Михаила Берденева) дала еще 1418 обож. На этих землях в книгах числятся один бывший послуживец Василия Борисовича Тучкова в Вотской пятине и один послуживец Ивана Васильевича Ощери в Шелонской пятине.

В 1484 г. происходит пятая (самая крупная из всех проводившихся до 1489 г. конфискаций) конфискация вотчин 30 больших бояр, выведенных из Новгорода в другие московские города. Эта конфискация дала, по нашим подсчетам, 12,3 тыс. обож. К этому времени Иван III полностью освободился от всех внутри- и внешнеполитических трудностей, обрушившихся на него в конце 70-х—начале 80-х годов. Массовая расправа со всем верхушкой новгородского боярства явилась как бы демонстративным нарушением Иваном III данного им в 1477 г. новгородцам обещания не вмешиваться в боярские вотчины и не выводить бояр из Новгорода.⁸² Не случайно земли этой конфискации, в отличие от прежних, сразу поступили в широкую раздачу. В писцовых книгах конца XV—начала XVI в. из 12,3 тыс. обож этих земель в поместной раздаче находилось 10 тыс. обож, или 82%.

Казалось бы, теперь, после издания двух указов о роспуске боярских дворов, правительство могло приступить к более массовому испомещению послуживцев, и они должны были занять видное место среди новых помещиков; но, как показывают писцовые книги, и в раздачах земель конфискации 1484 г. послуживцы занимали более чем скромное место. На этих землях в книгах конца XV в. значится лишь 11 помещиков из бывших послуживцев, в том числе 9 людей братьев Тучковых и 2 — Поляковских. Все в совокупности они владели 261 обжой,⁸³ тогда как 42 человека ближайших соратников Ивана III по присоединению Новгорода и управлению им (наместники, воеводы, дворецкие) получили 6,9 тыс. обож, в среднем по 164 обжи на человека, да 29 человек младших отпрысков знатных фамилий получили в свою очередь еще 2,5 тыс. обож, по 86 обож на человека.

Не изменилось сколь-нибудь заметно положение и на последующих этапах становления поместной системы. Во время экстренного массового испомещения служилых людей на новгородских землях взамен выселенных в 1489 г. новгородских землевладельцев удельный вес послуживцев в массе новгородских помещиков увеличился лишь на 2,5% — с 10,7 до 13,2% — лич-

⁸² ПСРЛ, т. 25, с. 318.

⁸³ НПК, т. III, статьи 324—331, 620—628, 675—676, 892—896; Премисник ОИДР, кн. XI, с. 28, 47—48, 289—303, 322—324.

ного состава, но доля послужильцев в поместном землевладении осталась без изменений на уровне 3.5%.

Среди служилых людей, получивших поместья в процессе дальнейшего развития поместной системы в княжение Василия III, на новгородские писцовые книги конца 30-х—начала 40-х годов, на книги Тверского уезда 1540 г. не указывают ни одного случая испомещения бывших княжеских или боярских послужильцев, хотя факты опал в ближайшем окружении Василия III известны.⁸⁴

Все изложенные факты говорят в пользу того, что испомещение Иваном III бывших послужильцев нельзя рассматривать как закономерное явление в политике великого князя, направленной на создание поместной системы. Скорее это был лишь эксперимент, имевший целью разумно использовать в интересах государства отдельных, лично известных великому князю наиболее выдающихся слуг опальных вельмож, из которых много принадлежали к тому же к старым дворянским фамилиям,⁸⁵ и испомещение возвращало их обратно в ряды полноправных детей боярских и снимало в известной степени пятно с тех фамилий, которые они носили.

До конца XVI в. наличие этих людей в составе служилого дворянства не вызывало недоразумений. Ни один из них не дослужился до упоминания в разрядах, следовательно, не мог явиться объектом местных споров. Но с 60-х годов в разрядах стали встречаться фамилии потомков бывших послужильцев. Так, в разряде 1562 г. Иван Рахманов, потомок пучковского послужильца Василия Ляпуна Рахманова, владевший поместьем своего деда,⁸⁶ значился поддатнем при рогатине в свите Ивана IV.⁸⁷ Кроме того, в разрядах 70—80-х годов значатся еще 16 потомков послужильцев.⁸⁸ Это не могло не привести к столкновениям их с представителями «не замаранных», «полноценных» фамилий и не вызвать местных споров, что и явилось поводом к появлению первой «выписи» на писцовой книге Дмитрия Китаева, датированной издателем концом XVI в., вступительная часть которой ссылается на указ от 8 апреля 1483 г. Позднее, в связи с судебным делом Кошкарова с Муравьевым в 1647 г., появляется второе издание «выписи» со ссылкой на указ 17 июля 1483 г. о роспуске послужильцев. Такова, по нашему мнению, история происхождения так называемой «Поганой книги».

⁸⁴ Опала Василия Холмского — дядя Василия III — в 1508 г.

⁸⁵ Клементьевы, Чевчюговы, Бестужевы, Епанчины, Скрябины, Шадрины (В о с л о в с к и й С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, с. 13, 40—41, 148, 190, 221—222).

⁸⁶ Временник ОПДР, кн. XI, ст. 322—324; ЦГАДА, ф. 137, № 11, л. 417—424.

⁸⁷ Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 199.

⁸⁸ Там же, с. 322, 389 и др.